DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-52-60
УДК 811.512.145

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

© Лилия Гиниятуллина

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF A COMPLEX SYNTACTIC WHOLE (BASED ON A LITERARY TEXT)

Liliya Giniyatullina

The conducted research is devoted to the complex analysis of a complex syntactic whole, namely, the language units they are composed of, the interconnection of their components, the relationships between the parts of complex syntactic wholes and the expression of their unity. The purpose of the study is to identify and analyze the types of syntactic relations between the components of complex syntactic wholes, their linguistic features at all language levels, as well as to prove their structural and semantic integrity. Based on the analysis of complex syntactic wholes, selected by the continuous sampling method from the texts of Tatar fiction and folklore, the article concludes that linguistic features of complex syntactic wholes are activated at the phonetic, morphemic, lexical, morphological and syntactic levels. Taken as a whole, all these linguistic phenomena lead to the unity of the internal and external structures of complex syntactic wholes. Their internal and external structures and the content are closely interrelated. A changing or replacement of any structural component will lead to a reorientation of the emphasis in meaning, thereby changing the entire structure of a specific complex syntactic whole.

Keywords: complex syntactic whole, linguistic features, structural and semantic integrity, literary text, style, language unit.

Проведенное исследование посвящено проблеме комплексного анализа сложных синтаксических целых, а именно рассмотрению, из каких единиц языка они созданы, как их компоненты связаны между собой, какие отношения устанавливаются между частями сложных синтаксических целых и как выражается их единство. Цель исследования – выявить и проанализировать виды синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых, определить в них особенности на всех языковых уровнях, доказать их структурную и семантическую целостность. На основании анализа сложных синтаксических целых, отобранных методом сплошной выборки из текстов татарской художественной литературы и произведений татарского народного творчества, делаются выводы о том, что в них активизированы языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Все эти языковые явления в комплексе приводят к единству внутренней и внешней структуры сложных синтаксических целых. Внутренняя, внешняя структура и содержание в сложных синтаксических целых тесно взаимосвязаны. Изменение их или замена любой структурной составляющей приведет к переориентации акцентов смысла, тем самым изменит всю структуру конкретного сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, языковые особенности, структурная и семантическая целостность, художественный текст, стиль, единица языка.

Актуальность настоящей статьи обусловлена потребностью более полного научного исследования структурных, семантических и грамматических особенностей сложного синтаксического целого в художественных текстах, что может послужить основой для дальнейшего исследования их как особой синтаксико-стилистической единицы в системе других синтаксических единиц.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить виды синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических целых в художественных текстах; во-вторых, описать структурно-семантические типы исследуемых сложных синтаксических целых и, наконец, проанализировать компоненты сложных синтакси-

ческих целых на основе их структуры и семантики.

Художественная литература посредством различных средств воздействует на читателя, передает мысли и чувства автора, используя лексическое богатство языка, возможности разных стилей. При комплексном анализе художественного текста внимание акцентируется на выявлении языковых особенностей (фонетических, лексико-фразеологических, грамматических). Изучить текст в целом возможно, лишь разделив его на более мелкие части, элементы. Сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ) является одним из элементов текста.

ССЦ художественного текста сохраняют «в себе уникальные структурные характеристики, порождающие действительно нетривиальные смыслы» [Борботько, с. 26].

Комплексному анализу текста, в том числе и ССЦ, посвящены работы таких лингвистов, как А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, В. В. Виноградов, Н. С. Поспелов, Г. О. Винокур, И. А. Фигуровский, И. Р. Гальперин, Л. М. Лосева, Г. Я. Солганик, И. С. Папуша, В. Н. Хангильдин, Х. Р. Курбатов, М. З. Закиев, В. Х. Хаков, Ш. С. Ханбикова, С. М. Ибрагимов, Ф. С. Сафиуллина, Г. Ф. Саттаров, И. Б. Баширова, Ф. И. Урманчеев, Р. С. Абдуллина, М. М. Шакурова и других.

Анализировать ССЦ невозможно, не определив, из каких единиц языка оно состоит, как они связаны друг с другом, какие отношения устанавливаются между ними, в чем проявляется их единство [Папуша, с. 222].

В лингвистике ССЦ рассматривается как сочетание предложений, связанных между собой семантическими, структурными и грамматическими средствами связи. В структурном плане в ССЦ выделяются зачин, содержащий начало мысли, формулирующий его микротему; медиальная часть – развитие микротемы; концовка – итог микротемы сложного синтаксического целого, подчеркивающий это не только в смысловом, но и в грамматическом отношении. При анализе примеров ССЦ, вычлененных из текстов татарской художественной литературы, мы пришли к выводу о том, что для связи частей ССЦ применяются языковые особенности на всех уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Рассмотрим в качестве примера ССЦ из текста рассказа А. Тангатарова «Өзелде» («Оборвалось») [Татар хикәяләре, с. 329–331].

(1) Солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар. (2)

Берничә ел ул учитель булып торды, шушы учительлекнең соңгы елында Настя белән танышуы, аңа туган мәхәббәте исенә төшкәч, озын гына сулу алды да кулларын яңакларына куеп лампага караган көенчә катып калды... (3) Ах, гомер. (4) Бүгенге генә күк әле, менә кичә генә әйткәндәй, «Настя, я люблю» дигән сүзләре. (5) Настя, зур кара күзләрен аңа сирпеп карап елмайган иде. (6) Аның бу елмаюы «Я тоже» дигән сүзе иде. (7) Кайда соң хәзер ул вакытлар? (8) Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар. – Ему вспомнились молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни того времени. Несколько лет он был учителем, а когда вспомнил, что в последний год работы познакомился с Настей и влюбился в нее, вздохнул и, подперев щеки руками, застыл, глядя на лампу... Ах, жизнь. Кажется, что все произошло только сегодня, как будто лишь вчера он говорил ей «Настя, я люблю тебя». Настя улыбнулась, глядя на него большими черными глазами. Ее улыбка означала «Я тоже». Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть (здесь и далее перевод наш – Л. Г.)

ССЦ состоит из 8 предложений. Зачин данного ССЦ (*Солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр аның күз алдына килә башладылар* – ‘Ему вспомнились молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни того времени’) – синтетическое сложноподчиненное предложение с придаточным времени, осложненное однородными подлежащими, связанными интонацией перечисления. Смысловое ядро данного ССЦ составляют придаточное предложение, подлежащие и слова группы подлежащих главного предложения (*солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр* – ‘молодость, проведенная до того, как стал солдатом, радостные дни’).

Медиальная часть ССЦ содержит 5 предложений, которые сообщают информацию о прошлой жизни героя. Они последовательно раскрывают содержание ССЦ.

Концовка ССЦ определена структурой седьмого и восьмого предложений.

В зачине и концовке намечена микроидея ССЦ – контраст в настроении героя: *яшь гомер* – ‘молодость’ и *кайтмый торган арткы гомер* – ‘жизнь, которую уже не вернуть’. Информацию зачина и концовки можно сопоставить друг другу: *...солдат булганчы үткәргән яшь гомер, шатлыклы көннәр – кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* – ‘...молодость, проведенную до того, как стал солдатом, радостные дни того времени – Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’. Искажения фактической информации не наблюдается.

В ССЦ выявлены языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне активизированы следующие языковые особенности:

- трехкратное повторение слова *гомер* – ‘жизнь’, которое является центральной лексемой смыслового ядра ССЦ;

- применение контекстуальных антонимов *яшь гомер* – ‘молодость’, *арткы гомер* – ‘жизнь, оставшаяся позади’; антонимов *бүгенге күк* – ‘как сегодня’, *кичә генә айткәндәй* – ‘как будто сказал вчера’ помогают автору разделить жизнь героя на две части;

- употребление в контексте предложений на русском языке: «Настя, я люблю», «Я тоже». Автор мог бы их перевести на татарский язык, но он этого не сделал, так как именно эти два предложения помогают автору раскрыть глубокие чувства героев и трагизм судьбы двух представителей разных национальностей.

На морфологическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- повторяющееся личное местоимение *ул* – ‘он’ в разных падежных формах обеспечивает анафорическую связь между предложениями ССЦ;

- употребление в форме множественного числа подлежащих *зачина* и *концовки* объединяет их в функциональном, семантическом и грамматическом планах;

- наречия времени *кичә* – ‘вчера’, *хәзер* – ‘сейчас’ и места *артта* – ‘позади’ также противопоставляют действия, описанные в ССЦ, помогают раскрыть чувства героя, в данном случае чувство сожаления. Междометие *ах* усиливает это чувство лирического героя.

На синтаксическом уровне можно отметить следующие языковые особенности:

- номинативное предложение *Ах, гомер* – ‘Ах, жизнь’ употреблено для выражения начала воспоминаний героя;

- инверсия в последних двух предложениях, которые составляют концовку ССЦ, подводят итог и подчеркивают это в грамматическом плане. Такую же функцию выполняет и форма вопроса и ответа в концовке ССЦ: *Кайда соң хәзер ул вакытлар? Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар.* – ‘Где же сейчас те времена? Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть.’

На фонетическом уровне активизированы нижеследующие языковые особенности:

- сочетание пятикратного повторения увулярного звука *р* и наличие слога с двумя согласными звуками подряд в одном предложении

(*Артта, кайтмый торган арткы гомердә алар* – ‘Они остались позади, в жизни, которую уже не вернуть’) показывает финальную точку развития микроидеи ССЦ.

На морфемном уровне можно указать следующие языковые особенности:

- однокоренные слова *учитель, учительлек* – ‘учительство’; *елмайган (иде), елмая* – ‘улыбнулась, улыбка’; *артта, арткы* – ‘позади, оставшаяся позади’ выполняют функцию средства связи между предложениями ССЦ.

В текстах художественной литературы часто встречаются ССЦ с противительными отношениями между компонентами. Предложения, которые входят в состав таких ССЦ, создают семантико-грамматическое единство. В них главным является то, что такие сообщения строятся именно путем передачи присущих предложениям ССЦ противоречий.

Продемонстрируем данное положение на примере ССЦ, вычлененного из текста рассказа Ф. Амирхана «Ул үксез бала шул!» (‘Он ведь сирота!’) [Эмирхан]

Ул үксез бала шул!

(1) Гаеҗ көнне мин ишек алдына яңа киёмнәремне киенеп чыктым. (2) Күлмәк, кәләүш һәм читекләрем генә түгел, минем казакием дә өр-яңа. (3) Шушы гаекә генә тектерелгән казаки иде.

(4) Безнең ишек алдында минем белән яшәтеш малайлар аз түгел иде. (5) Алар да бүген яңа киёмнәр киенгәннәр, үзләренчә кушшыланганнар, матурланьшканнар иде. (6) Бары бер генә, бер кечкенә генә малай бүген безнең шикелле киенмәгән, үзенә һәрвакыттагы иске киёмәндә иде. (7) Бу малай, былтыр ата-анасы үлгәнлектән, бу ел берүдә хезмәт итеп торган асрау малай Нури. –

Он ведь сирота!

В день религиозного праздника я вышел во двор в новой одежде. У меня новые не только рубашка, тюбетейка и ичиги, но и мой казакин. Это был казакин, специально сшитый к празднику. У нас во дворе мальчиков моего возраста было немало. И они сегодня были одеты в новую одежду, по-своему нарядные, красивые. Лишь один, один маленький мальчик, был сегодня одет не так, как мы, он был в своей повседневной старой одежде. Это был мальчик Нури, который жил в приемной семье, так как в прошлом году умерли его родители.

ССЦ состоит из заголовка текста (названия) и 7 предложений. Зачином выступает заголовок текста *Ул үксез бала шул!* – ‘Он ведь сирота!’ Смысловое ядро: *үксез бала* – ‘сирота’. Структурно медиальная часть разделена на два компонента. Первый компонент составляют первые пять предложений, где описываются мальчики, живущие в достатке, у них есть родители, кото-

рые к празднику купили им новую одежду. Второй компонент формируют шестое и седьмое предложения. Они противопоставляются первому компоненту: описывается мальчик сирота, который отличается от тех детей.

Концовкой ССЦ является последнее седьмое предложение.

Контекстуальные синонимы, которые расположены в зачине и в концовке, отвечают за структурную целостность ССЦ: *уксез (бала)* – ‘сирота’, *асрау (малай)* – ‘мальчик, который живет в приемной семье’. Мальчик – сирота, поэтому вынужден жить в другой семье. Тем самым в концовке раскрывается и причина противоречий, описанных в медиальной части ССЦ.

В ССЦ можно указать и языковые особенности на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне выявлены такие языковые особенности:

- повторяющаяся лексема *кием* – ‘одежда’ указывает на то, что лирический герой, именно сравнив одежду, сделал выводы о статусе других детей;

- антонимы *яңа / иске* – ‘новый / старый’, *былтыр / бу ел* – ‘в прошлом году / в этом году’; контекстуальные антонимы *шушы гаеткә генә тектерелгән (кием) / һәрвакыттагы (кием)* – ‘(одежда) сшитая на этот праздник / повседневная (одежда)’ участвуют в выражении противительного отношения между предложениями ССЦ;

- синонимы *бала, малай* – ‘ребенок, мальчик’ определяют возраст героев; они же вместе с вышеназванными контекстуальными синонимами *уксез / асрау* – ‘сирота, живущий в приемной семье’ объединяют части ССЦ в структурном плане.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- личные местоимения *мин* – ‘я’ и *без* – ‘мы’ в разных падежных формах по цепочке связывают предложения ССЦ между собой;

- указательное местоимение *бу* – ‘этот’, которое повторяется в концовке ССЦ два раза, отделяет конкретного мальчика от его сверстников и привязывает происходящее к определенному отрезку времени;

- применение форм степени сравнения прилагательного *яңа* – ‘новый’ делает акцент именно на том, что вся одежда мальчика новая, неношенная (*казакием дә әр-яңа* – ‘и мой казакин совершенно новый’);

- повтор конструкции *числительное + ограничительная частица генә* (‘лишь’) еще раз подчеркивает то, что такого плохо одетого ре-

бенка больше нет, то есть данная конструкция участвует в создании противительного отношения;

- наличие наречия времени *бүген* – ‘сегодня’ привязывает действие к конкретному дню;

- положительная и отрицательная формы глагола *киенгәннәр / киенмәгән* – ‘надели / не надели’ подтверждают противительное отношение между компонентами медиальной части.

На синтаксическом уровне обнаружены следующие языковые особенности:

- противительный союз *бары* – ‘лишь’ является основным показателем противительного отношения между двумя компонентами медиальной части ССЦ;

- однородные подлежащие, связывающиеся между собой интонацией перечисления, сочинительным союзом *һәм* – ‘и’ частицами *генә түгел* – ‘не только’ во втором предложении, и однородные сказуемые в пятом предложении акцентируют внимание на сходстве мальчика-рассказчика и других его сверстников: они все в новой одежде, они все красивые, нарядные;

- повторяющаяся форма сказуемых, имеющих в составе вспомогательный глагол *иде*, переносят действие в прошедшее время, а отсутствие данной формы в последнем предложении в грамматическом плане подтверждает то, что именно это предложение является концовкой ССЦ.

На фонетическом уровне выделены такие языковые особенности:

- многосложные слова *кушыланганнар* – ‘принарядились’, *матурланышканнар* – ‘прихорошились’ с шипящей *ш* в составе, расположенные в последнем предложении одной из противопоставляемых компонентов медиальной части, вместе с послелогом *шикелле* – ‘как’ в первом предложении другого компонента также участвуют в создании противительного отношения между компонентами ССЦ.

На морфемном уровне выявлены следующие языковые особенности:

- однокоренные слова *үзенең / үзләренчә* – ‘свой / по-своему’ помогают выражать противительное отношение между компонентами. Те мальчики одеты в новую одежду, они по-своему нарядные, красивые, а этот был в своей повседневной старой одежде. Ряд однокоренных слов *кием – киенеп – киенгәннәр* – ‘одежда – одевшись, оделись’ объединяют предложения ССЦ между собой.

Противительные союзы в ССЦ могут выражать и сопоставительные отношения. Рассмотрим пример из повести Р. Низами «Сәйдәшнәң

соңгы елы» (‘Последний год Сайдаша’) [Низами, с. 17]:

(1) Салихны иң нык әсәрткәне икенче нәрсә иде. (2) Гармун! (3) Менә кайда якыннан күрдә ул аны. (4) Бер абый кулындагы гармунын сайрата гына! (5) Ачылып-ачылып киткән яшел күрекләренә сандугач кереп оялаган диярсең... (6) Сыгылмалы бармаклары гармун телләрендә, әле берсенә, әле икенчесенә күчә-күчә, елдам бииләр. (7) Кара төймәле бакаларына басып, кайчакны аккордлар да биреп куя ул. (8) Гармунның елтыр яңаклары исә кояш нурларында чагылып-чагылып китә... (9) Бу инде сиңа әргән ише генә түгел!

(10) Берәздән гармунчы озын моңлы бер көйгә күчте. (11) Нинди көй икән бу? (12) Ул чакта кечкенә Салихжан моның “Шахта көе” икәннән каян белсен, ди!

(13) Ташаяк ярминкәсеннән энә шулай әсәрләнеп кайтты Салих. (14) Насретдин жизнәсенә эштән, сәүдә юлыннан бушаганы юк, гармун артыннан йөрергә вакыты тар аның.

(15) Ә шулай да сүзендә торды ул: малайга Варақсиннар остаханәсеннән жыйнак кына бер гармун күтәреп кайтты. (16) Салихның бер-ике көннән соң “Эпипэ” көен уйнап күрсәтүе өйдәгеләрнең исен китәргән иде. –

То, что сильно удивило Салиха, было другое. Гармонь! Вот где он ее увидел так близко. Дядя только так играет на гармошке!словно в распахнутых зеленых мехах гнезвился Соловей... Гибкие пальцы танцуют на клавише гармонии, плавно переходя от одной к другой. Иногда он брал аккорды, нажимая на черные клавиши. А блеск гармошки отражается в лучах солнца... Это тебе уже не орган!

Через некоторое время гармонист переключился на длинную мелодию. Что это за мелодия? Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе»!

Вот таким вот взволнованным вернулся Салих с ярмарки Ташаяк. Зять Насретдин был всегда сильно занят, у него не было времени пойти купить гармошку.

И все же он сдержал слово: из мастерской Варақсинных купил мальчику гармонь. Когда Салих через день-два сыграл мелодию «Эпипэ», все домочадцы были сильно удивлены.

ССЦ состоит из 16 предложений. Зачин данного ССЦ *Салихны иң нык әсәрткәне икенче нәрсә иде. Гармун!* – ‘То, что сильно удивило Салиха, было другое. Гармонь!’ выражен номинативными предложениями. Смысловое ядро данного ССЦ сконцентрировано в словах *әсәрткән, гармун* – ‘то, что сильно удивило, гармонь’.

Медиальная часть ССЦ состоит из трех компонентов. Первый – с третьего по двенадцатое предложения, в которых описывается впечатление Салиха, полученные после того, как он уви-

дел гармонь. Второй компонент – тринадцатое и четырнадцатое предложения. Тринадцатое предложение завершает микроидею первого компонента. Четырнадцатое предложение начинает новую микроидею ССЦ. Пятнадцатое предложение составляет третий компонент медиальной части ССЦ. Его информация сопоставляется с микротемой второго компонента. Эти три компонента раскрывают одно смысловое ядро, поэтому они составляют одно ССЦ.

Таким образом, медиальная часть ССЦ содержит 14 предложений. Концовка ССЦ – шестнадцатое предложение.

В ССЦ выделены языковые показатели на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне выявлены:

- пятикратное повторение слова *гармун* – ‘гармонь’, которое является центральной лексемой смыслового ядра ССЦ;

- повторение лексемы *көй* – ‘мелодия’ в конце первого компонента медиальной части подряд в трех предложениях указывает на его завершение, а употребление ее в последнем предложении концовки, во-первых, связывает предложения ССЦ, во-вторых, подтверждает завершение ССЦ;

- выражения *гармунын сайрата* (букв. ‘заставляет гармонь петь как соловей’), *сандугач кереп оялаган диярсең* – ‘словно гнезвился соловей’, *бармаклары бииләр* – ‘пальцы танцуют’, *гармунның елтыр яңаклары* – ‘блеск гармошки’ помогают пояснить читателю, почему Салих был очарован именно этим инструментом;

- фразеологизм *исен китәргән* – ‘удивил’, синонимы *әсәрткән* – *исен китергән* – ‘очаровал – удивил’ служат для связи зачина и концовки ССЦ: вначале Салих сам был сильно удивлен, а в конце сам удивил своих близких;

- контекстуальные антонимы *гармун* – ‘гармонь’, *әргән* – ‘орган’ в данном отрывке подчеркивают, что герой отдает предпочтение гармонии.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- личные местоимения в разных падежных формах обеспечивают анафорическую связь между предложениями ССЦ;

- указательные местоимения *әнә* – ‘вот’, *шулай* – ‘так’ в первом предложении второго компонента заменили все сказанное в первом компоненте и обеспечили связь между ними.

На синтаксическом уровне можно указать такие языковые особенности:

– восклицательные и вопросительные предложения помогают читателю понять, как сильно был потрясен Салих, его эмоции;

– противительный союз *ә* ‘а’ выражает сопоставительное отношение между компонентами медиальной части ССЦ. Да, Насретдин очень занятый человек, но он нашел время для того, чтобы сходить и купить гармонь Салиху. Союз *ә* ‘а’ также помогает автору раскрыть характер Насретдина. Он – человек слова;

– номинативные предложения зачина определяют смысловое ядро ССЦ;

– повторяющийся вспомогательный глагол *иде* в зачине и в концовке, который не встречается в медиальной части, доказывает грамматическую целостность ССЦ.

На фонетическом уровне важным является восклицательная интонация, которая служит для выражения сильного чувства восторга (Гармун! ‘Гармонь!’ *Бер абый кулындагы гармунын сайратагына!* – ‘Дядя только так играет на гармошке!’; *Бу инде сиңа эргән ише ганә түгел!* – ‘Это тебе уже не орган!’), удивления (*Ул чакта кечкенә Салихҗан моның “Шахта көе” икәнән каян белсен, ди!* – ‘Откуда же мог знать тогда маленький Салихзян, что это «Шахта көе»!’).

На морфемном уровне выделены следующие языковые особенности:

– парные слова *ачылып-ачылып* (*киткән күрекләр*) – ‘распахнутые (меха)’, *күчә-күчә* (*бишләр*) – ‘плавно переходя (танцуют)’ употреблены для выражения повторяющихся действий;

– однокоренные слова *гармун, гармунчы* – ‘гармонь, гармонист’ связывают предложения ССЦ.

В текстах художественной литературы можно выделить и сложные синтаксические целые со следственными отношениями между частями. В качестве примера указанного типа предлагается анализ ССЦ из текста Г. Сабитова «Тәүге соклану» (‘Первый восторг’) [Сабитов, с. 44–45]

(1) Башымны күтәрдем, күккә карадым. (2) Һәм кинәт шунда бөтен кайгы-хәсрәтләрем, юып алгандай, юкка чыкты. (3) Күктә-биектә, зәп-зәңгәр төпсез тирәнлектә ике генә өем ак болыт йөзә иде. (4) Күземне томалаган мөлдәрәмә томан аша, ниндидер сихри тамаша булып күренделәр миңа алар, ак болытлар. (5) Моңа кадәр бер дә күргәнем булмаганмы шуларны? (6) Әнием арыш урганда, айман күлэгәсендә чүпрәк имезлек имеп ятканда күзем төшмәгәнме?

(7) Бәбкә чирәмәндә аунап-аунап уйнаган чакларда искәргәнем булмаганмы?

(8) Юктыр, ахрысы, беренче күрүем шушы булгандыр. (9) Күрдәм дә күнелемне эсир иттеләр.

(10) Ак болытлар, ак болытлар! (11) Шул көннән соң гомерем буена юлдаш булды алар миңа. (12) Урманнарда йөрсәм, яфракларны аралап, зәңгәр күктән

эзләдем. (13) Су коенсам, дулкыннарда чалкан ятып, һаман күккә бактым. (14) Жырласам, жырларыма керде шул өем болытлар, ятсам – төшләремә. –

Я поднял голову, посмотрел на небо. И вдруг вся моя печаль вмиг исчезла. В небе, высоко в голубой бездне, плавали две кучки белых облаков. Они, белые тучи, сквозь туман, окутавший мои глаза, показались мне каким-то волшебным зрелищем. Неужели я их раньше не видел? Когда мама убирала рожи, а я в тени сосал соску, я не увидел?

Не замечал ли я, когда играл на траве?

Нет, я впервые их увидел, наверное. Как только увидел, они пленили меня.

Белые облака, белые облака! С тех пор они стали для меня спутниками на всю жизнь. Когда ходил по лесам, сквозь листья искал их в голубом небе. Когда я купался, я лежал на волнах и все время смотрел в небо. Если пел, то в мои песни вливались эти облака, если ложился – в мои сны.

ССЦ состоит из 14 предложений. Смысловое ядро выражено подлежащим и группой подлежащего третьего предложения: *ике өем ак болыт* – ‘две кучки белых облаков’.

Зачином являются первые четыре предложения.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. Второй компонент начинается с восьмого предложения. С десятого по четырнадцатое предложения – концовка ССЦ.

Структура первого компонента медиальной части очень своеобразна. Она состоит из вопросительных предложений, которые герой адресовал самому себе.

Пояснение *ак болытлар* – ‘белые облака’, расположенное в зачине, будучи повторенным в концовке, отвечает за структурную целостность ССЦ. Порядок слов в предложениях зачина и концовки, перестановка местами местоимения *миңа* (‘мне’) и *алар* (‘алар’) в четвертом и одиннадцатом предложениях связывают, объединяют в одно целое компоненты ССЦ.

В анализируемом ССЦ также выявили языковые особенности на всех уровнях.

На лексическом уровне:

– синонимы *карадым* – ‘смотрел’, *күзем төшмәгәнме* – ‘не замечал’, *күргәнем булмаганмы* – ‘не видел’, *искәргәнем булмаганмы* – ‘не обращал внимания’ по цепочке связывают предложения первой части ССЦ между собой;

– употребление в роли синонима к слову *карадым* – ‘смотрел’, расположенному в зачине, устаревшее слово *бактым* – ‘смотрел’ в концовке, также создает целостность между компонентами ССЦ;

– слово *кинәт* – ‘вдруг’ указывает на мгновенные изменения в душе героя.

На морфологическом уровне отмечены следующие языковые особенности:

- функция личных местоимений *миңа* – ‘мне’, *алар* – ‘они’ описана выше;
- трехкратное выражение сомнения *юктыр* – ‘нет, наверно’, *ахрысы* – ‘наверно’, *булгандыр* – ‘возможно, был’ подтверждают неуверенность героя в своих словах;
- употребление глаголов в отрицательной форме и вопросительная частица *-мы /-ме* уже предполагают отрицательный ответ на вопросы, сформулированные в первом компоненте;
- повторение прилагательного *зәңгәр* – ‘голубой’ в зачине и концовке связывает эти две части;
- указательные местоимения *шул* – ‘тот’, *шушы* – ‘этот’, *шуларны* – ‘их’, *шунда* – ‘там’ выступают средством связи между предложениями ССЦ и избавляют от ненужных повторов;
- в конструкции *ике генә өем* – ‘лишь две кучки’ частица *генә* – ‘лишь’ указывает на малое количество облаков. Их мало, но они сотворили чудо.

На синтаксическом уровне выявлены такие языковые особенности:

- определенно-личные предложения (5, 6, 7 предложения) являются грамматическим показателем границ второго компонента медиальной части;
- инверсия в предложениях зачина и концовки (4, 10 предложения) также в структурном плане связывают части ССЦ;
- номинативное предложение *Ак болытлар, ак болытлар!* – ‘Белые облака, белые облака!’ еще раз выделяет лексемы смыслового ядра, является показателем начала концовки ССЦ и, как было уже отмечено, отвечает за структурную целостность ССЦ.

На фонетическом уровне выделены следующие языковые особенности:

- постепенное уменьшение количества слогов в концовке интонационно завершает ССЦ: *ур-ман-нар-да йөр-сам* (6) – *су ко-ен-сам* (4) – *жыр-ла-сам* (3) – *ят-сам* (2).

На морфемном уровне отмечены следующие языковые особенности:

- различные грамматические формы слов (*күр, күрү, күрдем, күренделәр, күргәнем булмаган* – ‘увидь, увидеть, увидел, показались, не видел’) также связывают предложения ССЦ.

Анализ художественных текстов позволил также выявить временные отношения между частями ССЦ. Грамматически компоненты таких ССЦ связываются между собой посредством носительных слов. Примеры данных отношений

чаще встречаются в фольклорных текстах, особенно в сказках.

Рассмотрим в виде примера миф «Жир ничек яралган?» («Как образовалась Земля?») [Татар халык иҗаты, с. 23]

Жир ничек яралган?

1) Элек заманнарда дөнья тоташ судан гына торган. 2) Кешеләр әле булмаган. 3) Суда балыклар һәм су кошлары гына яшәгәннәр. 4) Шунда бер үрдәк су төбенә чумып, борыны белән бер кисәк балчык алып чыккан. 5) Бу зурыйган һәм шуннан жир хасил булган, ди. –

Как образовалась Земля?

В прежние времена мир состоял только из сплошной воды. Людей еще не было. В воде жили только рыбы и водоплавающие птицы. Тут утка нырнула на дно и достала носом кусок глины. Говорят, что он увеличился и из него образовалась Земля.

Текст небольшого по объему мифа целиком составляет одно ССЦ. Оно состоит из заголовка и 5 предложений. Смысловое ядро выражено словом *жир* («земля»).

Заголовок является зачином ССЦ.

Пятое предложение – концовка. Зачин и концовка связаны лексемой *жир* – ‘земля’ и синонимами *яралган* – ‘образовалась’, *хасил булган* – ‘образовалась’. Также в концовке содержится ответ на вопрос, сформулированный в зачине.

Медиальная часть состоит из двух компонентов. В первом компоненте (1-3 предложения) описывается то время, когда еще земли не было. Во втором компоненте раскрывается то основное событие, которое повлияло на процесс возникновения земли. Относительное слово *шунда* – ‘тогда’ связывает эти два компонента.

На лексическом уровне выявлены следующие языковые особенности:

- выражение *элек заманнарда* – ‘в прежние времена’ указывает на время события, все это произошло очень давно;
- антонимы *су / жир* – ‘вода / земля’ в тексте указывают на то, что земля появилась из воды;
- повторение лексемы *су* – ‘вода’ обеспечивает анафорическую связь между предложениями ССЦ.

На морфологическом уровне отмечены такие языковые особенности:

- местоимение *бу* – ‘это’ в роли личного местоимения *ул* – ‘она’ употребляется для того, чтобы избежать повтора: *балчык – бу* (‘глина – она’) связывает предложения между собой;
- форма неопределенного прошедшего времени привязывает события ко времени.

На синтаксическом уровне выделены следующие языковые особенности:

– в зачине и медиальной части употреблены лишь простые предложения, в них описываются события, которые в итоге привели к кардинальному изменению. Им в структурном плане противопоставляется концовка, которая выражена сложносочиненным предложением. Из нее читатель узнает конечный результат, в ней ставится точка микроидеи ССЦ. Вспомогательный глагол *ди* – ‘говорят’ в данном предложении указывает на то, что информация недостоверная.

На морфемном уровне отмечены такие языковые особенности:

– однокоренные слова *су, су кошлары, су төбе* – ‘вода, водоплавающие птицы, под водой’ объединяют предложения в семантическом плане.

Таким образом, обзор ССЦ, вычлененных из текстов художественной литературы, анализ синтаксических отношений между их компонентами позволил сделать следующие выводы: для связи частей ССЦ в художественных текстах применяются языковые средства всех уровней: фонетические, морфемные, лексические, морфологические и синтаксические. Лексические средства (повторение лексем, употребление антонимов, синонимов, контекстуальных антонимов и синонимов, фразеологизмов и др.) помогают связать предложения ССЦ, участвуют в выражении синтаксических отношений между компонентами ССЦ. Морфологические выполняют различные функции в семантическом и грамматическом плане: употребление личных местоимений придают тексту искренность; частотность глаголов придает речи динамичность; употребление одной формы определенных частей речи объединяет компоненты ССЦ и др. Синтаксические средства (союзы, союзные слова; употребление одного типа предложений, однородных членов предложений, инверсия и др.) создают структурную и грамматическую целостность ССЦ. Языковые особенности на морфемном уровне (однокоренные слова, различные грамматические формы слов и др.) выполняют функцию средства связи между предложениями ССЦ. Особенности на фонетическом уровне участвуют в создании синтаксических отношений между компонентами ССЦ.

При создании текста авторы используют весь арсенал имеющихся в языке средств. Структура и смысловое строение в ССЦ взаимосвязаны. Это способствует возникновению специфической структурно-семантической особенности ССЦ. Изменение любой структурной составляющей ССЦ влечет за собой переориентации акцентов смысла.

Список литературы

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 268 с.

Папуша И. С. Аккумуляция языковых средств в герме сложного синтаксического целого // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. № 4, С. 222–226.

Әмирхан Ф. Ул үксез бала шул. Казан: Мәгариф, 1921. 15 б.

Низами Р. Без яшибез. К: Тат. кит. нәшр. 2011. 526 б.

Сабитов Г. Тәүге соклану // Ялкын. 2011. № 8. 44–45 б.

Татар халык ижаты: Хрестоматия. Казан: Мәгариф, 2004. 478 б.

Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2007. 400 б.

References

Amirkhan, F. (1921). *Ul yksez bala shul*. [An Orphaned Child]. 15 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Borbot'ko, V. G. (2007). *Printsipy formirovaniia diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinernetike*. [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguosynernetics]. 268 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

Nizami, R. (2011). *Bez iashibez*. [We Live]. 526 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)

Papusha, I. S. (2010). *Akkumuliatsiia iazykovykh sredstv v germe slozhnogo sintaksicheskogo tselogo* [Accumulation of Language Means in the Herm of a Difficult Syntactic Unit]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Iaroslavl', Izd-vo IaGPU, No. 4, pp. 222–226. (In Russian)

Sabitov, G. (2011). *Təyge soklanu* [The First Rapture] *Ialkyn*. No. 8, pp. 44–45. (In Tatar)

Tatar khalyk igaty: Khrestomatiia. (2004) [Tatar Folk Art: A Textbook]. 478 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

Tatar khikəialəre: XX gasyr bashy. (2007) [Tatar Stories: The Beginning of the XX Century]. 400 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

The article was submitted on 17.11.2021

Поступила в редакцию 17.11.2021

Гиниятуллина Лилия Миннулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
420111, Россия, Казань,
К.Маркса, 12.
gin_liluk@mail.ru

Giniyatullina Liliya Minnullova,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Institute of Language, Literature and Art named
after G. Ibragimov, the Academy of Sciences of
the Republic of Tatarstan,
12 Karl Marx Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
gin_liluk@mail.ru